

УДК 81.373.47
DOI 10.52452/19931778_2022_6_195

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ ЭПИТЕТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ М. ЦВЕТАЕВОЙ)

© 2022 г.

С.А. Губанов

Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка», Самара

gubanov5@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.02.2022

Рассматриваются особенности образования эпитетов в текстах М. Цветаевой. Предметом исследования являются структурные и когнитивные модели образования высказываний атрибутивной семантики в текстах М. Цветаевой. Цель исследования – выявление потенциала данного типа лексики в метафорическом моделировании смыслов и актуализации признака поэтом. Используется метод семантического анализа. Выделяются различные механизмы и тактики образования эпитетов М. Цветаевой, среди которых ведущее место занимает образное моделирование признаков ситуации и расширение эпитетного ряда. Обращается внимание на метонимический тип образования переносных эпитетов в текстах различных типов рассматриваемого поэта. Делается вывод о том, что идиолектной чертой М. Цветаевой выступает внимание к актуализации признаков слов формальными и семантическими способами, рефлексия над словом.

Ключевые слова: эпитет, атрибутивная конструкция, идиостиль, концепт, поэтика, Марина Цветаева.

Вводные замечания

Объектом лингвистического анализа в настоящей работе является система эпитетов в текстах М. Цветаевой. Предмет исследования – особенности образования эпитетных слов в творчестве поэта. Сложность понятия эпитета, его статус в системе тропов связывают с его разнообразными способами вербализации, морфологической представленностью, типами распространения [1, 2]. Эпитет как стилеобразующее средство в аспекте смыслопорождения, участия в формировании, а не только отражении и выражении авторского мировидения начинает изучаться не так давно [3].

Эпитет трактуется в настоящей работе в широком смысле как любое определение, имеющее прирастающее значение в том или ином контексте, на это указывают как функции, выполняемые эпитетом в различных дискурсах (от образной до оценочной), так и разнообразные структурные типы эпитетов.

Оценочные прилагательные, адъективы с коннотативным компонентом значения, переносные определения как основные вербализаторы атрибутивной семантики в аспекте их лексической сочетаемости неизменно обращают на себя внимание ученых, поскольку важны основания, параметры оценки, особенности сочетаемости таких адъективов с различными классами существительных [4, 5].

М.В. Сандакова предложила классификацию имен прилагательных, в основе которой рас-

сматривается их исходная сочетаемость в прямом значении. Определяя исходные сочетаемостные возможности прилагательных, она анализирует, в каком направлении происходит изменение сочетаемости при метонимическом переносе как наиболее употребительном в речи [6, 7]. В других типах речи, публицистической, художественной, метонимический механизм переноса определения выглядит заметнее, поскольку выполняет функцию индивидуальной характеристики объекта, обращая внимание на только ему внутренне присущий признак. Приписывание избранного признака, вектор переноса зависят от авторской интенции, идиостилевых и когнитивных особенностей творческой личности [8].

Таким образом, основным вопросом эпителистики выступает проблема образования эпитета, механизмов его конструирования, логики зарождения, тогда как стилистический эффект от его употребления и роль в создании образа (метафорический этап) представляются нам вторичным процессом в виде закономерного семантического результата [9, 10].

Образный потенциал эпитета зависит от типов значения атрибутивного слова и существительного, а также от конкретной реализации того или иного типа значения. Именно поэтому необходимо учитывать конкретный лексико-семантический тип эпитета и семантику объекта эпитетации, что приводит к необходимости рассматривать их в совокупности, в рамках эпитетного комплекса.

Когнитивный подход к изучению эпитетных слов связан с идеями Лакоффа, Джонсона и других лингвистов, описавших роль метафоры и различных ее вербализаторов в представлении глубинных образов сознания человека и устойчивых моделях мышления [11–14].

Основными методами анализа, применяемыми для решения поставленных задач в рамках настоящей работы, являются метод лингвистического контекстуального анализа описания языковых фактов (дескриптивный), метод сплошной выборки, концептуальный анализ, стилистический анализ, метод компонентного анализа значения слова, а также количественного анализа при определении частотности употребления языковых фактов.

Контекстуальный анализ необходим во всех случаях описания эпитетных единств по причине обязательного учета лексико-синтаксической сочетаемости и взаимовлияния семантики обоих слов. Методы сплошной выборки и анализа словаря применялись как инструменты для отбора необходимой лексики. В ходе анализа применялся также метод стилистического комментария; когнитивный (концептуальный) анализ понадобился при установлении главных концептуальных смыслов. С последним фактом тесно связан метод подсчета частотности использования языковых единиц, демонстрирующий активность актуализации тех или иных смыслов.

Материалом для исследования послужило собрание сочинений М. Цветаевой.

Творчество Марины Цветаевой выбрано в качестве предмета анализа по причине богатого репертуара способов актуализации атрибутивной лексики, что находит отражение как в структурных, так и в семантических особенностях эпитетов. Метафорические и метонимические эпитеты как репрезентанты ключевых смыслов творчества поэта частично нашли свое описание в работе [15]. Признавая недостаточность изученности механизмов образования атрибутивных слов в текстах поэта, предпринимается попытка восполнить этот пробел и обозначить некоторые основные направления работы с эпитетами рассматриваемого поэта.

Идеи многоаспектного анализа языка М. Цветаевой известны давно; в них нашли свое выражение некоторые выводы относительно признаковой лексики (упомянем работы Л.В. Зубовой) [16]. А.В. Громова рассмотрела понятие атрибутивной регулятивной структуры и выявила ее роль в идиолекте поэта [17]. Несмотря на большую проделанную работу по классификации данных атрибутивных структур с семантической и структурной позиций, многие перенос-

ные выражения признаковой семантики не были описаны в работе. В исследовании А. Динегги также содержится подробный анализ языка поэта [18]. Несмотря на это, ощущается потребность выделить основные закономерности в логике конструирования атрибутивных слов М. Цветаевой. Уместно вспомнить утверждение И. Бродского о том, что поэт не может не говорить, это выражение его сущности, язык словно сам творит личность, что является установкой М. Цветаевой и всего ее творчества [19].

Эпитет понимается поэтом, о чем она неоднократно писала в своих записных книжках, как единственно точное и верно подобранное слово. По этой причине можно небезосновательно полагать, что сам процесс «рождения» смысла атрибутивного слова обнажает поэтическую когнитивную логику творчества. Если же понимать под эпитетом действительно любое слово, слово вообще, тогда обращает внимание факт номинации эпитетом языка. Эти замечания очень важны для настоящего исследования, поскольку проливают свет на творческую установку М. Цветаевой, на начальный путь создания языковых образов, построенных на характеристике реалий. Постоянная языковая рефлексия поэта над каждым словом, восприятие языкового творчества как процесса, творимого здесь и сейчас, обнажение его сути перед читателем – все это делает неповторимой лингвокреативную языковую личность поэта. В связи с этим перейдем к рассмотрению данной логики образования эпитетных слов в текстах М. Цветаевой.

Эпитеты вещного и природного мира: логика образования

В процессе сплошной выборки эпитетных слов из текстов М. Цветаевой было выявлено 5140 единиц признаковой семантики, входящих в состав атрибутивных эпитетных комплексов различной структуры и сложности от двучленных до пяти- и более составных конструкций. Структурное разнообразие эпитетов в творчестве М. Цветаевой проявляется в конструировании парных, цепочечных, окружных, инвертированных и фразовых эпитетных комплексов [15, 16]. Исходя из цели, поставленной в настоящей статье, рассмотрим механизмы семантического образования эпитетов двух крупных тематических групп: определений «вещного мира», описывающих мир артефактов, природы, а потому более традиционных и «окказионально спокойных» по форме и содержанию, и определений «внутреннего человека», дающих характеристику человеку в различных аспектах от его психологического состояния и характера до

особенностей внешности. Вторая группа наполнена эпитетами метонимического типа и моделируется по когнитивной логике означивания любого микроконцепта данной концептуальной области средствами персонифицирующего признака. Первая же группа имеет метафорический путь образования, не без участия олицетворяющей логики, что рассмотрим далее.

Будучи употребительными в речи и имеющими оценочную функцию, определения, описывающие реалии действительности, выделяют тот или иной важный для автора высказывания признак, делая его индивидуализирующим: один из признаков выдвигается в качестве основного, что в художественном тексте приобретает черты актуализации неочевидного в речи свойства. В текстах М. Цветаевой наблюдается процесс подбора одного из нужных свойств здесь и сейчас, причем все признаки, задействованные в данном процессе, становятся формально и семантически вовлеченными.

В ранних стихах поэта используется большое количество эпитетов оценочной, изобразительной семантики, но их нагнетание и актуализация обращают уже здесь на себя внимание:

Вот в тени уютная кровать // И портрет над нею в темной раме. // На портрете белокуроый мальчик // Уронил увянувшую розу [20, т. 1, с. 106].

Образование эпитетов средствами формально-смысловой соотнесенности нескольких лексем является ведущим в нашем материале. Эпитеты в составе эпитетного комплекса образуются на основе фонетического, словообразовательного и смыслового сходства: *влажный, тревожный, зеленый шум ... влажный, влажный, зеленый дым* [20, т. 3, с. 754]. Сближаются далекие по смыслу, но фонетически близкие лексемы, становящиеся из-за окказионального употребления также и семантически родственными.

При характеристике артефакта неизменно используется переключка эпитета, подобранного к данному предмету, с характеристикой субъекта, воспринимающего объект:

О – ни души не задевая! – // За непоставленный прибор // Сажусь незваная, седьмая [20, т. 2, с. 369].

Отсутствие предмета, столового прибора, осознается как смерть, пустое место, которое занимает лирическая героиня сама, седьмая, святая, пришедшая.

Свойство объекта уточняется на основе обыгрывания фразеологического оборота, двойной переключки фраз, когда смысл возникает только в конце всего высказывания и переосмысление, переозначивание начала происходит очень значительное:

... Полосатая десертная // Скатерть вам – дорожкой! [20, т. 2, с. 314]; *... Полотняная голландская // Скатерть вам – да саваном!* [20, т. 2, с. 314].

Сближаемые объекты на основе сходства одушевляются, их части осмысляются как элементы единого тела:

Для невиданной той стены // Знаю имя: стена спины // За роялем. Еще – столом // Письменным, а еще – прибором // Бритвенным (у стены – прием – // Этой / делаться коридором // В зеркале...) [20, т. 3, с. 114].

Признаковое слово и эпитетный комплекс в целом предстают единым образом, семантика которого ясна из всего контекста стихотворной строки или стихотворения:

... Те же люстры, полукруг дивана, // «Только жаль, что люстры не горят!» // Филодендронов унылый ряд, // По углам расставленных без плана [20, т. 1, с. 90];

... На вышке шкафа, сер и пылен, // Выдавший лучшие лета, // Угрюмо восседает филин // С лицом kota [20, т. 3, с. 13].

Для того чтобы выразить особый, экспрессивно окрашенный признак, автор прибегает к нагнетанию однокоренных слов или однотипных приставок:

... сонный, бессонный / Лес [20, т. 1, с. 281]; *бессонная бездомная черница* [20, т. 1, с. 284].

Уподобление человеку, его внешности объектов вещного мира является отличительной чертой поэтики М. Цветаевой, в том числе когда высказывание строится на перифрастическом или эвфемистическом, косвенном указании на этот объект:

О, безглазый, очкастый / Лакированный нуль! (об автомобиле) [20, т. 2, с. 293].

При подборе нужного эпитета в трехчленных атрибутивных конструкциях автор помещает главное, с его точки зрения, определение в центр, пунктуационно выделяя тире:

птица разноперая – / Вербная – сусальная [20, т. 1, с. 504].

Примером многоступенчатого осмысления вещной реалии может служить перебирание ее признаков. Нет препятствий для изначально верно подобранной характеристики объекта, но М. Цветаевой важно сначала опровергнуть обыденный, тривиальный признак и обратить внимание на новый, свой:

... Смердит изобилье! – // Довольством – вполне. // А если и пылью – // Не нашей – с весной // Свезут, так уж што ж нам? // Не нищей: сквозной, // А бархатной – штофной – // Портьерной [20, т. 3, с. 59].

С целью подчеркнуть сложность признака, его неоднозначность бытования и восприятия

автор пытается преподнести его в максимально уточненной форме:

Без лишних слов / Пышных [20, т. 3, с. 41].

Авторское уточнение содержится в противительной конструкции; возникает ситуация подразумеваемого спора с возможным оппонентом или с самим собой:

... *живая жиль / Красная, а не гниль!* [20, т. 3, с. 46].

Образование эпитета подчиняется закону окказионального подбора признаков на основе, казалось бы, фонетического сходства и интуитивного чутья, с другой стороны, вскрывается семантическое родство признаков:

... *ладанный, слеполетейский мрак / Маковый* [20, т. 2, с. 124].

Эпитеты, описывающие вещный и природный мир, образуются по логике окказионального подобия формы и содержания эпитетов в составе многочленных эпитетных конструкций, нагнетания и интенсификации признаков при одном объекте. При этом сам процесс такого конструирования делается максимально открытым, построенным на отрицании традиционного смысла, что выражается в противительных конструкциях и пунктуационном оформлении тире.

Эпитеты «внутреннего человека»: принципы образования

Концептуализация человека в текстах М. Цветаевой происходит средствами образного моделирования, главным образом выражающегося в подборе метонимических эпитетов при метонимических же субстантивах. Тенденция образования переносных эпитетных комплексов, содержащих метонимизированные определения, заключается, с одной стороны, в массовости таких переносов, с другой стороны, в детализации признаков и необычной локализованности.

«Внутренним человеком» номинируется образная представленность составляющих человека частей, органов, которые репрезентируют психологическое его состояние, переживаемые им эмоции, настроение, характер и т.д. По тому, как органы человека представляют то или иное качество или свойство всего суперконцепта человека, можно судить об идиостилевых особенностях творчества или о национальных картинах мира. Так, в русской языковой картине мира продуктивны метафоры вместилища, демонстрирующие внутреннюю локализацию признака в некоем контейнере: ср. *на душе грустно, в голове застряло, в печенках сидит, душа ушла в пятки* и т.д. Будучи очень употребительными в узусе, в реальной речевой практике, многие метафоры стали устойчивыми оборотами.

При анализе индивидуального стиля и языка писателя встает вопрос об окказиональной картине мира, поэтому тенденции к расширению лексической сочетаемости слов, окказиональному словотворчеству и эксперименту поновому могут раскрыть глубину залегания образов, в том числе развитие многих устойчивых метафор. В нашем материале частотны как общепозитивские и стертые метонимические признаки выражения (*юный взгляд, печальные глазки*), так и явно окказиональные. Но таковыми, авторскими, они являются на первый взгляд. Если проанализировать логику их образования, то станет ясна закономерность их появления: авторскими они будут восприниматься обычным читателем, при дешифровке их метонимической природы они укладываются в общую закономерную последовательность когнитивных операций.

Метонимическое значение имени существительного и метонимическое значение имени прилагательного чаще всего вступают во взаимодействие, порождая образные выражения, построенные на метонимии с встроенным метафорическим эффектом олицетворения неодушевленного объекта или понятия (*дерзкая кровь, невыспавшийся сон*). Значительная доля эпитетов метонимической природы (около 25% от общего числа определений, или 856 единиц) функционируют в качестве средства характеристики объекта эпитетации или как способ дать номинацию всей ситуации (*Москва! Какой странноприимный дом!*).

Метонимия эпитетных слов в текстах М. Цветаевой выражается в последовательном и регулярном переносе признака, характерного для объекта как целого, номинирующего присущее ему индивидуальное качество, на часть смежного с ним объекта. В большинстве случаев наблюдается метонимия эпитета антропоморфного типа, т.е. перенос признака осуществляется с человека как целого на его часть: *виновные веки* [20, т. 2, с. 103]; *Дугой согбен, все ж – гордая спина* [20, т. 1, с. 552]; *На завитки ресниц / Невинных и наглых... Загляделся один человек...* [20, т. 1, с. 319].

Для иллюстрации можно взять такой концепт, как *сон*. При метонимическом осмыслении можно упомянуть вполне употребительные, со стершейся образностью, выражения, такие, как *сонные глаза, сонные руки*. Второй пример уже менее стертый, поскольку «расстояние» между значением прилагательного и существительного, не относящегося функционально к данному признаку, немного больше (*сон* выражается в закрывании глаз и «локализуется» на участках лица человека, можно определить,

спит он или нет; руки же практически никак не связаны со сном, только внешне выражают косвенные признаки сонливости, такие, как медленные движения, вялость). Еще более значительное расстояние между семантикой эпитета и семантикой объекта эпитетации наблюдается в примерах:

Вам мудрый сон сказал украдкой... [20, т. 1, с. 48]; *Обеими руками / В твой невыспавшийся сон* [20, т. 2, с. 128].

В первом случае представлен абстрактный концепт сна, наделенный признаком умственной способности человека, речью, что приводит к рождению яркого образа, воспринимаемого в качестве метафоры; но метонимия наблюдается на этапе появления, образования образа. Второй пример демонстрирует яркую особенность идиолекта М. Цветаевой, о которой ранее упоминалось: сон наделяется не просто атрибутами человека, психологическими характеристиками или необычной локализацией, но сам становится способным спать, т.е. фактически персонифицируется. Заметим, что соблазн трактовать данный образ в качестве метафоры велик именно по причине одушевления абстрактного явления, но само выражение метонимическое по своей сущности.

Чаще всего подобным метонимическим переносам, граничащим с метафорическими, подвержены практически все концепты «внутреннего человека»: конкретные (*глаза, рот, рука, кровь, голова, нога, ресницы, лоб*) и абстрактные (*душа, ум, сон*).

В узуальном словоупотреблении подобные выражения представлены такими единицами, как *грустный взгляд, печальная улыбка*, и не воспринимаются носителями языка как переносные. Такие эпитеты зафиксированы и в нашем материале как факты общепозитической речи, но нас интересует продолжение метонимической логики моделирования концептуальной сферы человека. Гордость может эксплицитироваться, например, в атрибутивах *гордые глаза, гордые руки, гордая спина* (как в приведенном примере), поэтому в логике метонимии все подобные выражения будут системными, что и наблюдается в идиолекте М. Цветаевой. Специфику таких переносов составляет тот факт, что принципиально любое свойство человека поэт может приписать любой части тела человека, «локализовав» данный признак и актуализировав таким образом указанное свойство.

От подобных случаев отличаются примеры использования инвертированного эпитета, где используются метафорические образы в качестве объекта эпитетации:

Совиное око крыш [20, т. 2, с. 203]; *четца острозубая тень* [20, т. 1, с. 297]; *ненависти*

неизбывной вздох [20, т. 2, с. 120]; *меховыми руками плюща* [20, т. 2, с. 338].

Метонимическим является обозначение признака объекта, который описывает метафорически осмысленный объект.

Метонимия поэтической речи отражает логику мысли автора, представляя собой метонимию всего творчества. В идиолексиконе М. Цветаевой частотна антропоморфная метонимия признака, поскольку перенос признака по указанной выше логике имеет продолжение в рамках других смежных концептосфер: природы и артефактов (ср. *верный стол, дуб богоборческий*).

Подведем некоторые итоги проведенного исследования. На основе проведенного анализа языкового материала, репрезентирующего различные типы эпитетных конструкций в текстах М. Цветаевой, установлены закономерности образования эпитетных слов.

При характеристике объектов мира артефактов и отчасти природы автор использует многочленные конструкции с эпитетами, подбираемыми на основе соотнесенности с объектом эпитетации и соотнесенные друг с другом фонетически и семантически. Это находит свое выражение в трансляции подбора необходимых эпитетов, повторе однокоренных или однопрефиксных эпитетов, отрицании признака и утверждении необходимого.

В процессе наделения признаком объектов «внутреннего человека», органов и частей тела человека, репрезентирующих его как целую сущность, происходит моделирование эпитетных конструкций средствами метонимического эпитета. При выборе необходимого признака из каталога психологических, эмоциональных, характерологических или физиогномических характеристик человека как целого существа автор распространяет его на ту часть тела, которая, как ему представляется, его выражает, где этот признак «пребывает». Наряду с узуальными словоупотреблениями, не нарушающими или нарушающими в незначительной степени логику локализации признака, наблюдаются переносы признаков на нетипичные для них части тела человека. Усматривая в подобных случаях единую метонимическую логику переноса определения, отмечаем частотность таких переносов и детальную проработанность всех участков концептосферы человека.

Данные наблюдения над образованием эпитетов связываются с особенностями идиостиля М. Цветаевой и спецификой поэтического мышления. Особенное внимание к слову, языку, а также индивидуалистическая, предельно эмоциональная тональность ее произведений обуславливают идиолектные черты, выявленные в настоящем исследовании.

Список литературы

1. Булахова Н.П., Сквородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
2. Киров Е.Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискуртологии // Казанская наука. 2019. № 3. С. 93–95.
3. Губанов С.А. Эпитет в аспекте текстообразования и смыслопорождения в творчестве М. Цветаевой // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 21–24.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. 261 с.
5. Еремин А.Н. О синкретизме в лексической семантике // Русский язык в школе. 2020. № 3. С. 79–82.
6. Сандакова М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 217–226.
7. Сандакова М.В. Метонимия прилагательного в русском языке: Монография. Киров: Старая Вятка, 2004. 280 с.
8. Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 130–274.
9. Кобякова И.А., Гарамян А.В., Филатова Н.И. Семантический синкретизм осязательных прилагательных (на материале русского, английского и испанского языков) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 1. С. 135–142.
10. Телегин Л.А., Телегина Д.А. Синестезия прилагательных с перцептивными признаками «мягкий» и «жесткий» в русском, английском и французском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 6. С. 95–105.
11. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
12. Johnson M. *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 233 p.
13. Lakoff G. *Women, fire, and dangerous things*. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 632 p.
14. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семиологической интерпретации: Монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 321 с.
15. Губанов С.А. Метонимический и метафорический эпитет в текстах Марины Цветаевой // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. № 2. С. 76–86.
16. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 264 с.
17. Громова А.В. Выразительный потенциал имен прилагательных в атрибутивных регулятивных структурах эпитетного типа (на материале поэзии М.И. Цветаевой) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 6 (96). С. 46–49.
18. Dinega A.W. *A Russian Psyche: The poetic mind of Marina Tsvetaeva*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2001. 285 p.
19. Бродский о Цветаевой: интервью, эссе. М.: Независимая газета, 1997. 208 с.
20. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–3.

**PECULIARITIES OF THE FORMATION OF EPITHETS
(ON THE MATERIAL OF TEXTS BY M. TSVETAEVA)**

S.A. Gubanov

The article examines the features of the formation of epithets in the texts of M. Tsvetaeva. The subject of the research is the structural and cognitive models of the formation of sentences of attributive semantics in the texts of M. Tsvetaeva. The purpose of this study is to identify the potential of this type of vocabulary in the metaphorical modeling of meanings and the actualization of the attribute by the poet. The method of semantic analysis is used. In the course of the study, various mechanisms and tactics for the formation of M. Tsvetaeva's epithets are singled out, among which the figurative modeling of the indicative situation and the expansion of the epithet series take the leading place. Attention is drawn to the metonymic type of formation of figurative epithets in the various texts of the poet. As a result of the analysis, we came to the conclusion that the idiolect feature of M. Tsvetaeva is the attention to the actualization of indicative words in formal and semantic ways, reflection on the word.

Keywords: epithet, attributive construction, idiolect, concept, poetics, Marina Tsvetaeva.

References

1. Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. On the definition of the concept of epithet (preparation for functional characteristics) // Ecology of language and communicative practice. 2017. № 2 (9). P. 122–143.
2. Kirov E.F. Discourse and megaepithet in discourse // Kazan Science. 2019. № 3. P. 93–95.
3. Gubanov S.A. Epithet in the aspect of text formation and meaning generation in the work of M. Tsvetaeva // Bulletin of Tomsk State University. 2015. № 394. P. 21–24.
4. Wolf E.M. Functional semantics of evaluation. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS, 2002. 261 p.
5. Eremine A.N. On syncretism in lexical semantics // Russian language at school. 2020. № 3. P. 79–82.
6. Sandakova M.V. Trends in the development of the class of lexical intensifiers in the Russian language of the recent period // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2020. № 4. P. 217–226.
7. Sandakova M.V. Adjective metonymy in Russian: Monograph. Kirov: Staraya Vyatka, 2004. 280 p.
8. Arutyunova N.D. Evaluation in the mechanisms of life and language // Language and the human world. M.: Languages of Russian culture, 1998. P. 130–274.
9. Kobayakova I.A., Garamyan A.V., Filatova N.I. Semantic syncretism of tactile adjectives (based on the

material of Russian, English and Spanish languages) // Actual problems of philology and pedagogical linguistics. 2020. № 1. P. 135–142.

10. Telegin L.A., Telegina D.A. Synesthesia of adjectives with perceptual signs «soft» and «hard» in Russian, English and French // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2017. № 6. P. 95–105.

11. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

12. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 233 p.

13. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things*. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 632 p.

14. Пыухина N.A. *Metaphorical image in semantic interpretation: Monograph*. 2nd ed., ster. M.: FLINT, 2016. 321 p.

15. Gubanov S.A. Metonymic and metaphorical epithet in the texts of Marina Tsvetaeva // Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanities. 2016. Volume 2. № 2. P. 76–86.

16. Zubova L.V. *Marina Tsvetaeva's poetry: Linguistic aspect*. L.: Leningrad University Publishing House, 1989. 264 p.

17. Gromova A.V. Expressive potential of adjectives in attributive regulatory structures of epithet type (based on the material of M.I. Tsvetaeva's poetry) // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2010. Issue 6 (96). P. 46–49.

18. Dinega A.W. *A Russian Psyche: The poetic mind of Marina Tsvetaeva*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2001. 285 p.

19. Brodsky about Tsvetaeva: interview, essay. M.: *Nezavisimaya Gazeta*, 1997. 208 p.

20. Tsvetaeva M.I. *Collected works: in 7 volumes*. M.: Ellis-Lac, 1994. Vol. 1–3.